

18+

ПОМОЩЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕССА ЛИ

Алесса Ли

Помощь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69811672

SelfPub; 2023

Аннотация

В годовщину смерти лучшей подруги Карина начинает чувствовать, что больше не одна в своей маленькой квартире. Кто подселился в ее студию: дух, сталкер или первые симптомы шизофрении?

Алесса Ли

Помощь

Нажав на ручку, я неожиданно обнаружила, что дверь не заперта. По спине пробежали мурашки: неужели утром я забыла ее закрыть? Со мной такого никогда не случалось, разве что Вика могла впопыхах оставить квартиру открытой, но та почти год как умерла. Я аккуратно, стараясь не шуметь и ожидая увидеть у себя дома как минимум последствия ограбления, заглянула внутрь. За те доли секунды я уже в красках представила, как буду звонить в полицию, пару дней рыдать и жить, ожидая, что кто-то вновь может явиться ко мне в дом. Ведь на моем банковском счету был глубокий минус, и о смене замков я могла даже не мечтать. Но внутри было темно и тихо. Голосовой помощник любезно включил свет, и я смогла увидеть почти все пространство мелкой студии, кроме ванной. Неизменный вид зоны спальни, – матраса на полу, – и кухни, которая отражалась в окне, меня успокоили, но я все еще с легкой дрожью заглянула в санузел. Там также ничего пугающего не оказалось, кроме растущей плесени на стене. Я плотно закрыла за собой дверь на два замка, будто это могло бы восполнить то, что я оставила квартиру открытой на целый день.

Те несколько часов до сна я внимательно вслушивалась и словно наблюдала за обстановкой. Было бы глупо предполо-

жить, что некий очень маленький человек прятался в шкафу под раковиной или за унитазом, однако еще глупее было думать, что это дух моей безвременно ушедшей подруги решил о себе напомнить. Религиозность, как и магическое мышление, мне не свойственны, но я лишь недавно смогла в полной мере осознать и частично смириться со смертью Вики, не заливаясь слезами от одного вида ее куртки, что так и висела в гардеробе.

Я всегда куда-то торопилась, даже в делах, касающихся собственных эмоций. Я быстро переживала многие невзгоды: когда мою мать, укатившую к закату пятнадцать лет назад вслед за мужиком, сначала признали пропавшей без вести, а затем погибшей, я недолго плакала. А потому считала, что столь же скоро свыknусь с потерей лучшей подруги, однако не учла, что мамаша мне была не близка, а Вика стала важнее кровных родственников.

Я давала себе от трех до шести месяцев на то, чтобы пережить ее гибель, но в сроки не уложилась.

Звучит цинично, но, опять же, я старалась придерживаться реалистичного взгляда, а потому смирение казалось мне важным этапом на пути к относительно нормальной жизни. Как раньше не получилось, конечно, становилось день ото дня только хуже. Спустя год я возвращалась в пустую квартиру после работы, где так и не смогла подружиться с коллегами. Затем несколько часов лежала под звуки драки со-

седей, засыпала, а на следующий день снова шла на работу, где меня принципиально игнорировали. Порочный круг, из которого я не могла вырваться.

На следующее утро я как обычно собиралась наперегонки со временем, но перед выходом остановилась у двери и почти беззвучно проговорила свои действия:

– Закрываю дверь на нижний замок, – он в ответ щелкнул и я, кивнув ему на прощание, ушла.

Очередной день, наполненный мыслями о кариесе на передних зубах, ведь поговорить о чем-то ином мне было не с кем, пролетел. Вернее, в процессе он был мучительно долгим, но стоило мне выйти на улицу, как он показался одним мгновением. Впрочем, дорога домой отличалась немногим: я продолжала размышлять о крайней необходимости посетить стоматолога, подсчитыванием финансов и решением, от чего бы еще я могла отказаться ради зубов? От нового зимнего пальто? Я от него отказалась уже давно, потому что оно не вписывалось в бюджет. От обуви? Я всегда ходила в кроссовках – и зимой, и летом. Осталась только еда. По крайней мере, утренний кофе из крайне бюджетной кофейни точно отправлялся в список запрещенного. Других способов наскрести денег на анестезию, обработку кариозной полости и "восстановление коронковой части зуба фотокомпозитными материалами 2-ей степени сложности" я не могла придумать. Думала даже о том, чтобы попробовать отказаться от ане-

стезии. Лечение одного зуба стоило около 5 тысяч рублей, а требовалось залатать не меньше четырех. Это могло бы показаться небольшой суммой, но когда в совокупности долгов набралось около 155 тысяч – она становилась почти невозможной. Особенно, при зарплате в четыре раза меньше.

В этих мыслях я добрела до своей новостройки, поднялась на пятый этаж и с некоторым опасением сначала нажала на ручку двери – заперта. Отперев верхний замок, я спокойно вошла внутрь и попросила голосовой помощник включить музыку, чтобы создать иллюзию чужого присутствия. Заиграла песня "путь обратно домой" и, хотя я ранее утверждала, что смирилась с утратой, но на мои глаза невольно навернулись слезы. Когда-то давно Вика монтировала видео под эту песню для социальных сетей, и мне захотелось пересмотреть ту публикацию. Там я, она и наши общие друзья на разных кадрах хорошо проводили время: танцевали в зале магазина, где мы работали, бегали по Большой Покровской ночью, я стояла на коленях у машины парня Вики в ее день рождения. А подпись гласила "спасибо за эти моменты". Никакого магического мышления, но мне показалось это посланием сквозь время вопреки жизни и смерти, будто перед годиною моя дорогая подруга решила вспомнить со мной лучшие дни нашей жизни, поблагодарить за былое и навсегда покинуть брэнную Землю... и навсегда оставить меня одну в холодной квартире. Жить с призраком, наверное, не так страшно, как жить вот так.

Песня закончилась, а следующая не включилась – помощница сообщила об отсутствии подключения к интернету. Такое часто случалось, у нашего провайдера: в новом жилом комплексе не было никакой конкуренции и, как следствие, была большая нагрузка. А потому сеть работала перебойно, плохо и никто ничего с этим не мог поделать. Служба поддержки советовала только ждать и бесконечно перезагружать роутер.

В одиночестве мало хорошего, – размышляла я, – но, например, мой любимый пудинг не мог съесть никто кроме меня... странно, но десерта не оказалось там, где он оставался этим утром. Я села рядом с холодильником – его высота равнялась моему росту в сидячем положении. Снова почесала затылок. До полудня он определенно стоял там – крайне редко я не пропускала завтрак, впрочем, как и обед – в целях экономии, конечно.

Разочарованная и голодная, не получив порции белка, – я покупала пудинг для спортсменов и им пыталась хоть как-то восполнить дыру в своем питании, – я легла на кровать. Может, мои зубы приходят в негодность из-за того, что я плохо питаюсь? – вот о чем я думала, лежа в темноте. Получался порочный круг: я не ела, чтобы сэкономить деньги на лечение, но из-за плохого питания мои зубы портились еще больше. Но начни я есть, то у меня бы не было денег на решение уже существующих проблем и... мой взгляд, находящийся на 15 сантиметров выше уровня пола, наткнулся на

яркую полосу света под дверью. Я знала об ее существовании, ведь моя квартира могла выставляться в музее под названием "скупой платит дважды", так как строитель-ремонтник-сантехник Дамир мог бы быть экспонатом по соседству, как яркий пример тому, что каждый второй "универсальный мастер" не имеет и половины заявленного функционала.

Смутило меня другое обстоятельство: при всей своей яркости на фоне ночи, брешь была не такой выделяющейся в темноте, как раньше. И, действительно, в тамбуре на четыре квартиры был установлен датчик движения, который включал второй источник света, когда улавливал чье-либо присутствие. Значило ли это, что каждый раз, когда я обращала на полосу внимание, за моей дверью кто-то стоял? Если бы я жила в заселенном старом доме, то в нем бы и датчика движения уже не было, и ничего удивительного в том, что кто-то ходит в тамбуре не нашлось. Но это новостройка, да к тому же, ее сдали едва ли не в один день с наступлением кризиса, из-за чего моими соседями еще долгие годы будут голые бетонные стены. Я накинула на голову одеяло, чтобы отгородиться от тревожных мыслей, что лезли в голову. Кажется, из них меня вырвала невыносимая трель будильника в 8 часов утра. Вот он настоящий кошмар – работа 5 дней в неделю по 10 часов и дорога домой еще по полтора часа сверху. Довольная тем, что впервые за долгое время приблизилась к норме сна, но не менее разбитая и уставшая, я снова наперегонки собралась и выскочила за дверь.

– Пудинга дома нет, закрыла дверь на верхний замок.

Во время рабочего дня я только и думала о дверях, пудинге и бесполезности своего существования. По дороге домой я все же сдалась и купила в аптеке витамины для улучшения памяти и концентрации, решив, что если меня ограбят по моей же глупости, то расходы будут более внушительными, чем 500 рублей.

Вечер почти повторял в точности любой другой за последний год. Если Вика пару раз в неделю вытаскивала меня из дома, то без нее родной город стал мне чужим. Без нее весь мир стал чужим. Вдруг оказалось, что мне совершенно некуда пойти и не к кому обратиться. А потому из вечера в вечер я приходила домой после работы, ела пудинг и иногда какие-нибудь нехитрые блюда. Потом я читала книги о летающих людях в халатах или шизофрению любимого писателя, или же листала социальные сети и часам к двум ночи ложилась спать. Я не слишком продуктивно проводила время, будто стараясь задержаться в моменте, который принадлежал лично мне, ведь после пробуждения меня снова ждала дорога туда, где я не хотела находиться.

Так минула неделя. Я пыталась ежедневно фиксировать количество пудинга и положение двери утром, но к вечеру, даже если мне казалось, что что-то изменилось, меня начинали одолевать сомнения. Если я с такой легкостью оставля-

ла открытой дверь, чего мне стоило забыть, сколько упаковок десерта стояло в холодильнике?

В понедельник я встала на пять минут раньше, чтобы точно успеть сфотографировать полку с едой и снять на видео, какой замок я закрыла.

Произошло нечто более странное, чем я могла предположить. Дверь была закрыта верно, количество десертов тоже почти совпало. Вернее, в холодильнике все осталось точно так же, как и на фото, однако я обнаружила еще одну упаковку на кухонном столе. Мои руки бессильно повисли вдоль тела, я ощутила приступ печального ужаса не то от того, что начала подозревать чужое присутствие в своем доме, не то от того, что мне показалось, что я схожу с ума.

Весь вечер я маялась, глядя на окна и дверь. Однако первый вариант быстро отмела: кто бы стал лезть на пятый этаж ради пудинга, да и каким образом бы проник сквозь москитную сетку, которая стояла круглогодично из-за моей лени. К тому же, злоумышленник, должно быть, жидкий, если смог пролезть в маленькую щель для проветривания.

Проваливаясь в сон, я снова наткнулась взглядом на яркий свет под дверью. И в моей голове возник сам собой вопрос – а заперла ли я замок, когда пришла? Что если я забывала закрывать ее и на ночь? Тело тяжело оторвалось от матраса, словно я крепко напилась. Я, качаясь и прикладывая максимум сил, доплелась до входа, проходя мимо черно-

го проема ванной. Пальцы ощутили холод металла, а дверь поддалась под давлением моих рук и едва не распахнулась настежь. Я дернула ее изо всех сил на себя, но она никак не захлопывалась, будто что-то мешало. Я тянула, и тянула, но следом возникла проблема с затвором: он вдруг стал хлипким, а потому просто вылетал из гнезда! Сколько бы я не крутила, это не имело смысла. Видимо, кто-то давно повредил его, – подумала я. Я услышала незнакомый звук, раздавшийся эхом в тамбуре. Свет горел ярко: там кто-то был.

Ручка дернулась в моих руках так резко, что показалось, будто у меня вылетели суставы из локтей и плеч, ведь я ясно слышала их хруст. Когда я открыла глаза, то была уже или еще в кровати. Я ощущала нечто превосходящее просто тревогу, и чувство это усиливалось, когда мой взгляд натыкался в темноте на яркую полосу света. Поднявшись, я сначала проверила дверь – она, конечно, была закрыта, причем весьма надежно. Затем вытащила из-за унитаза бетонную смесь для швов. На первое время сойдет, лишь бы не видеть эту брешь. До поздней ночи, подходившей к раннему утру, я ползала по полу, заделывая дыру с помощью столового ножа.

– Я точно схожу с ума, точно схожу с ума.

Стоило мне худо-бедно избавиться от щели под дверью, как все относительно наладилось, если это слово можно использовать, говоря о моей жизни. Хотя, возможно, мне стало немного легче после того, как на работе всем вручили по

заветному белому конверту с зарплатой. Моя кровная первая выплата на новом месте! Под белой тонкой бумагой, подписанной моим именем, лежали ровно четырнадцать тысяч рублей.

После смены я забежала в местный супермаркет у дома. Между стеллажей уже стала появляться первая мокрая грязь, которая смешивалась с жидкостью, вытекающей из-под коробок с овощами. Но я, стараясь обходить сладко пахнущие ручейки, направилась к холодильникам. Слева от йогуртов и чуть выше сырков полки были выделены под низкокачественные торты со вкусом маргарина. Но, как назло, именно в тот вечер там одиноко доживали свой срок годности шу с масляным кремом, конфеты муравейник и пластиковый контейнер с двумя пирожными “птичье молоко”. Мне нужно было только одно.

– Кариночка, здравствуйте, – отвлек меня настолько же знакомый, насколько ненавистный голос, – ужинать собираетесь?

– Здравствуйте, – мне хотелось ему нагрубить, но я продолжала изображать вежливость, – да.

– Часто вас вижу у дома...

Преклонных лет мужчина, мой сосед с 7 этажа, каждый раз, когда мы встречались, заводил со мной глупые светские беседы, которые всегда заканчивались предложением помочь ему заказать что-то на маркетплейсах. У него “не по-

лучалось” совладать с чудесами интернет шопинга уже около двух лет.

– Наверное, потому что я там живу, – буркнула я и развернулась прочь.

Это был первый человек, который за долгое время завел со мной разговор, основанный не на работе или претензиях.

До самого подъезда я едва ли не бежала, время от времени оборачиваясь. Я не боялась Виктора – он был ниже меня, да и весил, наверняка, килограмм на 25 меньше. Меня пугали только светские беседы, в которых никто не нуждался, особенно я. Они лишь сотрясали воздух или занимали пространство на экране, потому как я всегда на ненавистное “привет, как дела” отвечала “что ты хочешь”. Может, поэтому у меня нет друзей?

– Карина, присоединяйтесь! – молдаванин Дамир приподнял над головой бутылку игристого напитка, – как у вас дела?

Переспрашивать, что ему нужно, я не стала. Он в свободное от работы, которую делал крайне некачественно, время проводил во дворах с местными кандидатами в алкаши, – в новом жилом комплексе все начиналось с нуля, даже маргинальный путь.

– Все хорошо, у вас как?

– У меня сын родился!

– Поздравляю.

– Оставайтесь с нами праздновать, – он сделал несколько шагов в мою сторону, протягивая бутылку, – за здоровье моего сына.

На низком столике я соорудила поминальный алтарь: телефон с фотографией Вики подпирала стопка книг, а перед ее лицом, растянутом в застывшей улыбке, стояло блюдо с сухим пирожным и бело-розовой свечой. Только одной, потому что разместить 26 штук на такой маленькой площади мне не удалось.

Незадолго до смерти она стала использовать накладные волосы, которые оборачивала вокруг собственных хвостиков. У лица она делала маленькие косички, в которые вставляла разнообразные колечки и украшения.

– С днем рождения, – прошептала я и задула огонек, – дура.

Спустя неделю после своего 25-го дня рождения Вика трагически погибла, упав с крыши пятиэтажки. Ничто не указывало на самоубийство, она не оставила ровным счетом ничего – ни записок, ни намеков, ни ответов. Только вопросы.

Она любила пару раз в месяц прогуляться вечером одна. Но поводов считать, что она планирует покончить собой, Вика не давала. Покидая квартиру в тот вечер, она не выглядела так, словно не вернется больше, и не прощалась со мной, как это мог бы сделать человек, планировавший смерть. В

то же время, ничто не указывало на обратное. На крышу она поднялась одна и больше никто с нее не спускался после ее падения.

Я без интереса смотрела на изящные линии, нарисованные потухшим пламенем, когда в ванной что-то упало. Затем еще и еще, а я, напуганная, прижалась спиной к холодильнику не в силах пошевелиться. Из-за стены я видела, что дверь в санузел открыта, но не решалась сдвинуться с места. Наступила тишина и я прислушивалась только к стуку собственного сердца, анализируя услышанное. Первый звук напомнил открытие дверцы, как если бы кто-то отодвинул заслонку под ванной. Но следующий же удар точно принадлежал пластиковому предмету, упавшему с высоты стиральной машины. Последующие же шумы отдавались звонким керамическим эхом, не оставляя сомнений – стакан для зубных щеток разбит. Может, когда я вошла в квартиру забежала кошка? Или... кто-то пришел, пока я была на работе и прятался в ванной? От этой мысли сердце едва не остановилось. Я перестала дышать вслушиваясь. Сосед сверху, – молодой человек 18-ти лет, – снова играл на гитаре и пытался петь, не совсем плохо, но временами фальшиво. Сквозь его низкий голос, акцентами пробивались визги соседки сверху. Из-за них было трудно распознать то, что скрывала тишина моей квартиры, да к тому же собственные судорожные вздохи вдруг казались громче шума машин с улицы. Я вновь задержала дыхание, хотя голова кружилась от недостатка кис-

лорода и волнения. Шелест чужих легких совсем рядом, за стенкой в ванной раздавался эхом. Этот кто-то тоже пытался быть тише! Может, это призрак Вики? – с мольбой подумала я, однако глазами уже бегала по столу выбирая подходящее оружие. Нож? Нет, а если я убью этого человека? Даже случайно, это расценят, как превышение самообороны. Моя жизнь не стоит того, чтобы еще и провести ее в неволе, уж лучше умереть. Чем же тогда защищаться? Сковородой или лопаткой? Электрическим чайником на худой конец, однако если этот человек вооружен, то с кухонной утварью у меня определенно нет шансов. Я взяла железный половник.

Расстояние до ванной составляло не более пяти шагов, которые я преодолевала, переступая через себя, словно бежала по раскаленным гвоздям. Каждое движение отдавалось болезненным импульсом в груди, отчего сжимались межреберные мышцы. В метре от цели я уже не скрывала своих вздохов, что вырывались из груди со стонами, а из глаз давно лились слезы. Я точным ударом по выключателю зажгла свет, сломав ноготь, и в порыве выглядеть более угрожающей разбила поварешкой пластиковую корзинку со средствами для стирки. Там оказалось пусто. Стакан действительно разбился и в его осколках лежали две зубные щетки – моя розовая и голубая, некогда принадлежавшая Вике. Все, что стояло на раковине валялось в ванной, на полу, на крышке унитаза, а виной всему было легкое дешевое зеркало за 199 рублей, которое, вероятно, соскользнуло с крепления. Я раздраженно

захлопнула дверцу, ведущую к шаровым кранам, счетчикам и стояку. Она вечно открывалась из-за сквозняка.

Так глупо. Я с облегчением опустилась на колени, готовая разрыдаться пуще прежнего, когда в дверь раздались удары.

Мое дыхание вновь остановилось.

Через глазок я увидела Дамира. Веселый, явно пьяный, он раскачивался, продолжая наносить удары по двери, да так ожесточенно, будто принял ее за грушу в спортзале.

– Я знаю, что ты дома! – он с силой подергал ручку, – у тебя свет горит, я знаю, что ты дома!

Он колотил, нажимал на ручку, затем стал дергать дверь на себя... Я плакала забившись в угол, руки тянулись к телефону, и в конце концов я набрала знакомый с детства номер.

– Карманный переулок, дом 2, квартира 55, – прошептала я, – мужчина ломится в мою квартиру.

– Вы знаете этого человека? – несколько замедленно уточнила женщина.

– Да, он делал в моей квартире ремонт.

– Вы говорили ему, что не ждете в гости?

– Нет, я боюсь, – глупо призналась я.

– Так скажите!

– Он пьяный, я боюсь...

– А гонять патрульные машины не боитесь, – выругалась она, – семейные разборки. Ожидайте.

Дамир ушел через четверть часа, а полицейский приехал лишь к полуночи. Он таким же образом затарабанил в дверь, отчего я решила, что вернулся навязчивый гость.

– Что, разобрались с вашим парнем?

– Он просто делал ремонт в моей квартире, – пробурчала я, – за деньги.

– А чего он тогда к вам ходит? Приглашали на ужин и передумали?

Мне потребовалось полчаса, чтобы доходчиво объяснить, что этот человек мне не ближе, чем сам сотрудник органов, после чего у меня приняли заявление, о котором я вскоре пожалела. Ведь с ним все-таки связались, чему я была крайне удивлена, и его жена тоже об этом узнала. Через пару дней на меня градом посыпались гневные сообщения, в которых он сначала спрашивал на кой, мягко говоря, черт я обратилась в полицию, ведь он просто хотел угостить меня шампанским. Но, не получив ответа, в сообщениях стали появляться оскорбления и, когда я вернулась в один из вечеров домой, то на моей двери красовалось красноречивое, емкое и белоснежное “СУКА”. По всей видимости, это было весьма обдуманное решение, ведь надпись он сделал баллончиком жидкого снега, который легко удалялся. Шершавая поверхность оскорбления напомнила мне времена, когда мы жили на съемной квартире и я под новый год писала всякие матерные выражения на окнах этим же средством. Странное чувство обиды и ностальгии пронзило мое сердце. Вот только,

обижалась я не на злое слово, а на упущенное время.

В квартире ждал новый сюрприз. В последние дни меня беспокоили любые двери, а потому я точно знала, что закрыла ванную комнату, когда уходила утром. Теперь же справа чернел проем, и тьма в нем будто стала такой густой, что обрела сознание и с вызовом смотрела на меня. Я замялась.

– Алиса, включи свет! – нарочито бойко скомандовала я, однако освещение комнаты почти не достигло санузла, а в него умных лампочек не ставили. До того момента я не видела в этом смысла, да и сама бы до потолка не дотянулась.

Предусмотрительно оставив позади путь для отступления, я переступила порог, с ужасом заглядывая внутрь. Как я догадывалась, внутри ничего не оказалось. Наверное, подумала я, неплотно закрыла дверь, и виной всему сквозняк из дверцы счетчиков, ведь тот тоже был приоткрыт. От очередного пережитого стресса меня кидало в жар, потому, открыв окно, я снова бессильно опустилась посреди комнаты. Подо мной оказалась лужа.

– Черт, – я выругалась, – не могла же я так испугаться, – конечно, нет, лужа вытекала из-под холодильника, который, по всей видимости, остался открытым с самого утра. – Раз, два, – я пересчитывала пудинги, – два.

Мои плечи опустились. Да как так, было же три! Я обыскала все шкафы, но их два! Два и все тут! Баночка с витаминами для памяти полетела в стену, а сами белые таблетки рассыпались по всему полу.

Мне казалось, что я схожу с ума.

Ночью в полудреме мне снова привиделось, что дверь не заперта. Кто-то дергал ее с такой силой, что цемент, так усердно уложенный столовым ножом, раскрошился и обнажил полосу света... бах, бах, бах! Затем я услышала знакомый звук поворачивающегося в замке ключа, и мои глаза распахнулись. Только тишина не наступила, кто-то действительно пытался открыть дверь. Хотя внутренняя защелка порой заедала, но я в ту секунду благодарила себя, что не перестала ей пользоваться из-за этого! Уж лучше застрять внутри. Человек резко перестал пытаться войти и убежал прочь, хлопнув дверью тамбура.

Меня переполняли мысли и сон как рукой сняло. До самого утра я сидела на матрасе, глядя на дверь. Может, зря я не обратилась в полицию повторно, когда обнаружила надпись? Но я была уверена, что так Дамир выместил свою злость и на том успокоился. Вызови я вновь правоохранителей, то они бы заново ограничились беседой. А что они могли сделать? Да и захотели бы, ведь он имущество не испортил – писанина легко удалялась водой. А ежели заглянуть еще глубже, то от новых заявлений меня останавливали две причины. Первая заключалась в том, что особой надежды на реальную защиту я не таила, с малых лет запомнила, что вызов сотрудников на дом не более, чем акт запугивания агрессора. Когда мне было 9 лет, и мать еще не уехала в поисках новой жизни, мы жили вместе с ней и ее “мужчиной всей жизни” – маргина-

лом, с которым она познакомилась через газетную страницу знакомств, когда сайты и приложения были в зачаточном состоянии, по крайней мере, в Северодвинске. Алексей переехал в нашу квартиру из центра реабилитации – ныне это называется рабочим домом, – куда попал из-за злоупотребления алкоголем и бездомности. Проще говоря, мать привела домой бомжа, возомнив себя матерью Терезой. Хотя, учитывая вскрывшиеся подробности жизни той известной личности, моя мать была близка к ней по характеру. Она его содержала, контролировала и издевалась, не упуская возможности напомнить о его происхождении. Алексей стоил ее, а потому срывался в ответ. Ежедневно в квартире происходили скандалы, которые сопровождались побоями и нечеловеческими воплями.

– Звони в полицию,– хрипела мамаша, когда его руки сомкнулись на ее шее.

Я ее любила. Тогда. А что мне оставалось?

Милиция “примчалась” через два часа, видимо, в надежде, что мы уже все мертвы.

Второй причиной служил подобный случай, но со мной никоим образом не связанный: девушка не дождалась помощи и погибла, пока соседи ждали помощи, пока жертву убивали за закрытой дверью. Я уверена, что из-за меня кто-то может не дожидаться помощи, в которой нуждается больше. Кто-то, кто более ценный, кто-то, из-за чьей смерти пострадает больше людей, чем из-за моей. Я знаю себе цену, а по-

тому без приукрас понимаю, что я – не самый нужный миру человек. Не говоря о том, что вероятность спасения мной человечества стремится к нулю, я не полезна даже на минимальном уровне. Я лишь консультант в магазине косметики, и если кто-то из наших клиентов подождет ответа на просьбу подобрать крем «от соляных желез» минутой больше, он вряд ли это заметит. Для моих коллег день моей смерти стал бы обычным четвергом, для начальства головной болью на пару дней, чтобы найти сотрудника. Все, кто мог бы испытать боль из-за меня, уже мертвы, и единственное, о чем сожалею я, – то, что я не умерла раньше. Хоронить меня, по большому счету, некому. Даже бабушка не станет тратить деньги на билеты из Болгарии, где проживает последние 2 года. Это станет очередной проблемой из всех, что я создала ей своим существованием, ведь именно она была вынуждена забрать меня, когда исчезла мать.

После бессонной ночи я старалась преодолеть невыносимо долгий рабочий день. Коллеги меня не замечали, хотя время от времени я все же ловила на себе их взгляды. Смотрели ли они на меня, или же мимо – одному богу известно. А мне невольно приходилось слушать их бессмысленные беседы. Я была плоха в «смолтоках», начинала снобствовать и о чем-то рассуждать, что нравилось далеко не всем, а новым знакомым даже приправленные шутками мои речи не приносили удовольствия. К тому же, наши мнения во многом не

совпадали, и, когда я предпочитала кивнуть и никому ничего не доказывать, менеджер по закупкам Рита так поступить не могла:

– Я в лепешку расшибусь, но докажу, что я права, даже если это не так. Так выверну, что заставлю поверить, что я права.

Но, нет же, скорее воспитанный человек решит, что ты невежда, – едва не сорвалось с моего языка. Вика бы на такое не обиделась. Она и сама нередко упрекала меня в малообразованности и заносчивости. Теперь же некому было меня одернуть. Может поэтому со мной никто не хотел общаться?

Домой я возвращаюсь снова подавленной. Благодаря моей отрешенности, у меня днем хватило времени обдумать многое, в том числе и причины произошедшего накануне. Такое ведь случалось не впервые. Годом ранее, когда на этаж выше вовсю шли ремонтные работы, возник феномен «шестого этажа»: рабочие отчего-то забывали куда шли и настойчиво ломались в нашу квартиру. Однажды я на тщетные попытки оторвать ручку открыла дверь и двое незнакомцев пытались убедить меня, что они ко мне.

– Это пятый этаж, – сообразила я.

– Как пятый?– засуетилась дама и, не извинившись, ушла со своим спутником.

И в ночь смерти Вики такое произошло. Она упала с крыши пятого этажа около одиннадцати часов вечера, о чем я,

конечно, не знала. Никто вообще-то не знал, так как она пошла совершенно одна, да и поздний час был, никто не заметил, как пятьдесят килограмм человека разбились об асфальт. Если верить заключениям, то, если бы хоть кто-нибудь посчитал это своим делом и вызвал "скорую", то у нее был бы шанс. Но к полуночи она уже умирала, и примерно в то же время некто нажал на ручку нашей двери. Я чувствовала себя в тот вечер очень уставшей и неестественно рано легла спать, обратив незначительное внимание на то, что кто-то ломился в наш дом.

Наверное, если бы бабушка общалась со мной, то сказала бы, что это либо душа Вики хотела попрощаться, либо приходила сама Смерть. Если бы я знала, что она пришла ко мне, то непременно бы открыла, пригласила в гости и ушла вслед за подругой. Хотя, это мои рассуждения спустя год, а я за это время так и не пошла за ней, почему-то, вопреки здравому смыслу продолжала волочить свое существование. Так ли хотела умереть, как думала об этом?

Ветер раскручивал в воздухе листья, издавая приятный шуршащий звук, напоминая мне о чем-то хорошем. Я всегда любила именно холодную половину года, мне нравился депрессивный ноябрь и идущий за ним волшебный декабрь. Надвигался второй одинокий новый год.

Я поднялась на свой этаж и, едва переступив порог тамбура, застыла. Моя дверь была открыта нараспашку, на кафеле

лежали сухие листья, точь в точь те, которыми я любовалась пятью минутами ранее. Они подрагивали. Я сделала шаг назад, готовая просто убежать и никогда не возвращаться. И тишина, словно кто-то затаился во мраке моего собственного дома, оглушала. Ну, нет, я туда не пойду

Металлический грохот раздался эхом по всему подъезду – это я отступила, захлопнув дверь тамбура, и осела у стены не в силах ни убежать прочь, ни пойти навстречу своему страху. Хотелось остановить мгновение, лишь бы ничего не произошло. Спустя время раздались шаги, некто медленно ступал по плитке, нарочито крался, стараясь быть заметным.

Я будто собственными глазами видела, как человек в обуви на высокой подошве переступил через низкий порог, как зачарованный своими же движениями. Как видение это пришло мне в голову. Или же я заглянула внутрь? Страх опьянял, а рассудок совсем помутился, и я не могла даже для себя решить, где нахожусь.

Тонкие ноги с не очень-то изящными лодыжками немного подгибались, будто человек давно не ходил. Шаг за шагом, ведомый доселе неизвестной мне силой, существо, которое казалось мне опасным мужчиной, будь то сосед или ремонтник, оказалось женщиной. Образ прояснился. От одного взгляда на ступни незнакомки сводило скулы, они были неестественно вывернуты и сильно затрудняли ходьбу. Правая нога носком стремилась к левой, при том опиралась на ребро ступни, в то время как второй ботинок «отвернулся»,

будто планировал идти совсем в иную сторону. Одна из коленных чашечек определенно раскололась на две части, и кости, которые она соединяла, не распадались лишь благодаря сохранившимся мягким тканям. Ее брюки по всей видимости некогда были светлыми, но потемнели, пропитавшиеся различными биологическими жидкостями. Тело, за исключением правой кисти с обрубками пальцев, которые она потеряла зацепившись за балкон, выглядело пугающе нормально, но это компенсировал отсутствующий затылок, словно ей срезало половину головы. На нее было больно смотреть, но неожиданно не так страшно, как в день похорон. Хотя грим не мог полностью скрыть ссадин на лице и восковая рука отличалась от сохранившейся, в гробу Вика не выглядела как человек, получивший травмы несовместимые с жизнью. Она выглядела спящей, будто сознание покинуло ее ненадолго, и потому это вызывало у меня неопишуемый ужас. Настолько сильный, что я не смогла даже прикоснуться к ней на прощание, прежде чем огонь уничтожил ее останки. Год я не могла себя простить за это. Теперь же она явно походила на смертельно раненного человека, но, тем не менее, двигалась, ее горячая кровь лилась на пол. Горячая! Я подалась вперед, перебирая коленями, тянулась рукой к ее искалеченному телу. Даже если это опасно для меня, я так хотела коснуться ее, даже если это будет стоить мне жизни.

– Девушка?

Какая странная ситуация, подумалось мне. Я испугалась,

что случайный свидетель спугнет ее, но, собственно, после второго обращения ко мне, мой сонный бред развеялся. Я так же сидела на лестничной клетке, обнимая руками колени. И я снова не попрощалась с ней.

Соседи сверху снова вышли покурить в подъезд, чего сильно не одобрял Виктор и частенько с ними ругался. Они были обычными, среднестатистическими и крайне традиционными со всеми атрибутами: пиво у подъезда, двое детей, драки “чтобы очаг не затухал”. Они мне откровенно не нравились, я их презирала. Но в тот момент они, кажется, искренне обеспокоенные моим состоянием, без страха и предубеждений проверили мою квартиру и, убедившись, что там никого нет, оставили свой номер телефона и удалились. Смогла бы я отнестись к ним так же? Я была благодарна. И испытывала стыд за свои мысли.

– Извините, номер не существует или набран неправильно, – отвечал вежливый голос, когда я раз за разом звонила.

Весь год я сожалела, что жива. И точно могла сказать, что мне жаль не Вику, а себя. Это я осталась совсем одна. Это я сидела в пустой квартире и могла позвонить только по несуществующему номеру, который некогда принадлежал единственному близкому человеку.

Я давно не чувствовала себя в безопасности. И очень хотела домой. Дом – это не место, а время, когда мы были бедны, глупы и молоды, жили на съемных квартирах, гуляли по

ночам, были близки. Я так и осталась бедной, глухой и молодой, но теперь еще и совершенно одна.

К черту зубы, думала я, когда оставляла заявку на первом попавшемся сайте на смену замков. Вообще-то первым порывом было продать квартиру, но меня останавливало то, что не прошло пяти лет с момента покупки и налоги, которые мне предстояло в этом случае заплатить, пока что казались страшнее, чем оставаться там.

– Ничего, поменяю замки и все наладится, – шептала я, не в силах оторвать взгляда от двери, – это Дамир, наверное, сделал копию ключа, когда занимался ремонтом.

Около трех часов ночи, находясь в отчаянии, я написала длинное сообщение своей начальнице, что не выйду на работу, но обязательно отработаю все в воскресенье. Я не решилась на это даже когда серьезно отправилась и заметила это уже в метро, а на обеденном перерыве в тот день у меня посинели ногти.

В четыре часа утра из ванной послышался глухой удар. А затем знакомый скрип дверцы, за которой находились счетчики и запорные краны... меня обдало жаром, когда я соотнесла размеры проема и человека. Кто-то не очень высокий и достаточно худой мог бы при желании протиснуться в это отверстие, оно было около полуметра в высоту и ширину, что сделали, наверное, для простоты доступа. С той секунды я ясно различала каждый звук, исходивший из санузла.

Незнакомец подтянулся на руках и поставил сначала одну ногу на край прохода, затем вытянул другую и случайно ударился носком ботинка об край раковины. Он делал это медленно, стараясь быть тише и, кажется, не впервые пробирался в мою квартиру таким образом. Но делал ли он это всегда днем в мое отсутствие? Или же частенько захаживал под утро, чтобы понаблюдать за мной? Меня затошнило, от страха закружилась голова, будто я вот-вот потеряю сознание, но мои кулаки сжимались до острой боли в ладонях, в которые впивались ногти. Чтобы покинуть квартиру требовалось пройти мимо двери в ванную, а незваный гость уже одной ногой стоял на унитазе, что качался из-за плохого крепления. Керамический лязг оглушал, сливаясь со стуком сердца. Проскочить мимо, открыть все замки на двери, которые я заперла в страхе, что Дамир попытается проникнуть ко мне ночью, ведь я никак не ожидала, что опасность кроется в абсолютно другом. Самый верхний замок открывался только ключом, который лежал на столе вместе со всей связкой. Металлический звон тут же выдаст меня! Притвориться спящей и переждать в надежде, что злоумышленник просто посмотрит и уйдет? Напасть на него первой?

– Черт, – чужой шепот уничтожил надежду на то, что я ошибаюсь, но подарил мне такой выброс адреналина, что более не раздумывая, я бросилась к кухонному гарнитуру, схватила ключи и рванула к двери.

Гость, конечно, тоже понял, что его заметили и теперь, со-

вершенно не скрываясь, стал торопиться. Видимо, он зацепился одеждой за трубы, что подарило мне немного времени открыть первый замок, затем второй, но в момент, когда он смог освободиться и спрыгнул вниз, средний внутренний затвор заклинило. Я дернула дверь на себя и, вложив все силы правую неоднократно сломанную правую руку, повернула вертушок. Меня ослепил яркий свет из тамбура и я выскочила ему навстречу, когда некто вышел из моей ванной. Шлепки босых ног эхом отражались от стен. Я бежала вперед и даже в этой ситуации нашлось место стыду и неловкости: я должна была закричать, привлечь внимание, но боялась разбудить соседей в такой ранний час. Если бы стоял день или хотя бы вечер, да, впрочем, буду честна, я бы все равно стеснялась нарушить чужое спокойствие. Я ударила по кнопке лифта, сломав ноготь на безымянном пальце, но пробежала мимо. Мои ступни обжигало холодом бетонных ступенек, они словно не слушались и я боялась запнуться и упасть. Даже грохот от падения не привлечет внимание, если я не закричу, то никто и не сможет мне помочь. Мой голос эхом раздался по всему подъезду, но показался мне не таким громким, как хотелось:

– Пожар! – визжала я, – пожар! Горим!

На первом этаже, пробегая мимо, я била ладонями в чужие двери, продолжая кричать. Моя ложь сработала и почти сразу следом за мной выбежало около пяти человек и почти все с нижних этажей. Сонные и обеспокоенные они беспо-

мощно крутили головами, а мой взгляд был прикован к выходу из подъезда.

– Надо вызвать пожарных, – растерянно сказал мужчина из квартиры номер 65.

– Нет, вызывайте полицию, – грубо ответила я.

– Огонь арестовать?

– Не горим мы, в мою квартиру проник кто-то и...

– Ты больная? Чего орешь тогда, что пожар, дура? – возмутилась многодетная мать из 69-ой квартиры.

– Будто вы бы вышли, если бы я просто просила о помощи!

Соседи потеряли интерес к происходящему и, бормоча что-то, стали собираться уходить, когда им навстречу вышел Виктор. Он выглядел иначе и я машинально сделала шаг назад, еще в полной мере не осознавая, что именно меня так напугало. Он шел, спрашивая всех, кто шел к нему навстречу, о происходящем.

– Это он! – закричала я, – он залезал ко мне в квартиру каждый день и даже ночью!

– Больная, – мужчина с первого этажа плюнул в мою сторону, – совсем с ума посходили, у тебя ПМС, что ли?

– Кариночка, – Виктор раскинул руки, будто собирался меня обнять, – вы что-то путаете, давайте сейчас поднимемся ко мне, дождемся помощи и со всем разберемся.

Я почувствовала себя глупо на секунду усомнившись.

– Здесь больше нет никого с верхних этажей, кроме вас.

Только с первого, ведь я стучала в их двери, – он и не думал останавливаться, – потому что первый этаж не разделен на тамбуры.

Я оглядывалась в поисках поддержки от соседей, но те, кто остался, просто наблюдали, а другие уже уходили. Одна моя нога угодила в лужу. Никто не хотел мне помочь, а вышли лишь по той причине, что испугались сгореть заживо. Они расходились.

– У нее сегодня уже был приступ, – Виктор обращался к тем, кто не торопился, – семья с шестого этажа нашла ее в подъезде, потому что ей показалось, что в квартире кто-то был.

Им было этого достаточно, последние жильцы с глубокими вздохами устремились досматривать свои сны, оставляя меня наедине с подъездным активистом. Он протянул свою руку, чтобы взять меня за запястье, но ему помешали.

– А давайте дождемся полицию и во всем разберемся.

За меня вступилась девушка, которую я встречала лишь раз или два. Она, видимо, сидела на лавочке или возвращалась с прогулки, так как только на ней и на Викторе была уличная одежда.

– Девушка, Карине нужна другая помощь.

– Вот пусть полиция и решает, какая помощь нужна Карине, – она встала между нами, – судя по куртке, вы не от ее криков о пожаре проснулись.

– Так я на работу собирался. В чем вы меня обвиняете? Вы

понимаете, что это серьезное заявление? У нее, – он указал на меня, – что-то душевно не в порядке, а вот вы в полном здравии! И я заявлю на вас за клевету, если вы сейчас же не прекратите.

– Ну вот полиция приедет и заявите, – к нам присоединился еще один мужчина, – вы подозрительно странно настаиваете оставить вас с ней.

– В чем вы меня обвиняете! Я уважаемый человек, я поселился в этом доме, когда его только сдали, а вы меня обвиняете в преследовании этой девки. Да больно она мне нужна, она же страшная! – он собирался уйти, но сосед придержал его за хрупкое плечо.

– Вы же так хотели ей помочь, чего убегаете-то?

В семь утра Виктора увезли на полицейской машине, а мою квартиру до полудня исследовали. Оказалось, что в нишу с трубами можно было попасть через кладовку, что находилась в нашем тамбуре, и замок мне следовало менять именно в ней, так как предыдущий устанавливал мой преследователь. Когда мы только въехали в квартиру, я убрала чемодан в общее место для хранения и его украли в тот же день. Я тогда решила выяснить, случилось ли такое с другими жильцами. Волей случая мне встретился сосед с седьмого этажа – дружелюбный пожилой мужчина. Такого можно было встретить в гостях у одноклассницы или на детском празднике в доме культуры, а потому я, поддавшись си-

ле первого впечатления, без опасений приняла его помощь. Правда, вскоре об этом пожалела: Виктор стал звонить и писать мне каждый день, приглашая на чай или помочь ему. Мне казалось, что он бросил все попытки завязать со мной близкое общение, но он просто нашел другой способ. Если бы я не приняла тогда его помощь, то всей истории и не случилось, но я нашла выход из этой ситуации, попросив помощи у других. И даже нашла нечто большее: как минимум, я начала звонить живым людям.

Мирослава, – та самая девушка, которая первой заступилась за меня, – оказалась юристом и помогла мне добиться максимального наказания для Виктора.

– Извращенец, – Мира подвела итог еще за день до единственного судебного заседания, когда мы пили чай у нее дома над материалами дела, – но тебе повезло, что у него разрешение камеры три на три пикселя.

В его телефона нашлось с сотню фотографий моей квартиры, из которых пара десятков – темные фото, где только при определенных настройках яркости угадывался мой силуэт. Меня бросало в жар, когда я думала об обстоятельствах при которых эти снимки были сделаны. В довесок у нашего домового активиста обнаружили десятки моих старых резинок и заколок со спутанными темными волосами. Ничего крупнее он, видимо, красит не решился.

– Вуайерист, самый настоящий! Читала я об одном таком. Тот когда маленький был, родители при нем сестру зачали, а

он вырос и стал фантазировать об этом, – она секунду подумала, – только он за женщинами постарше наблюдал... даже думать не хочу, что там у этого Виктора Сергеевича произошло, пусть об этом другие специалисты беспокоятся.

Благодаря компенсации, которую мне выплатил сосед, я смогла даже решить часть своих проблем. В первую же очередь я, конечно, поставила большой замок на дверцу в ванной и записалась к психотерапевту, потому как меня стали мучить кошмары с участием счетчиков и труб.

К Новому году жизнь стала налаживаться. Видимо, верно говорят, “было бы счастье, да несчастье помогло”.

В конце волшебного декабря я сидела на унитазе, размышляя о запоре и предстоящем празднике, который мы планировали встретить с Мирославой. Все реже и реже мое внимание привлекала белая дверца, ведущая к трубам и счетчикам.

В нее постучали.